

УДК 342.71 (470.47)

Лиджеева Н.Г.

Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

ПРИНЯТИЕ КАЛМЫКАМИ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

N. Lidzheyeva

Kalmyk State University (Elista)

THE KALMYKS' RECEIVING RUSSIAN CITIZENSHIP: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. С середины 80-х годов прошлого столетия в связи с демократизацией общественной и политической жизни усилился интерес к прошлому России и населяющих ее народов. Актуальным историческим вопросом стало определение подданства как правового института в Российском государстве, в том числе при рассмотрении историко-правового аспекта принятия подданства калмыцким народом при его вхождении в состав Российской империи и юридическое закрепление данного процесса. Добровольное вхождение калмыков было не столько юридическим закреплением в статусе подданных России, но прежде всего политическим актом – калмыков наделили подданством с целью охранять юго-западную часть страны от нашествий противника, устанавливая за ними территориальные границы.

Ключевые слова: подданство, натурализация, калмыцкое ханство, тайша, шерть.

Abstract. Since the middle of the 1980s democratic processes in Russia have inspired interest to its own history and the history of the nations living on its territory. Nowadays there is necessity of defining citizenship as a legal institute of Russia. The aim of the article is to examine historical and legal issues of receiving Russian citizenship by Kalmyk people. Kalmyks' voluntary naturalization is not merely a legal act of fixing their status as citizens of Russia, but also a political act as Kalmyks were granted this status with the aim of protecting the southwest part of the country from invasions, thus expanding the state borders. The history of Kalmykia is closely connected with the history of the Russian state and with the process of naturalization.

Key words: citizenship, naturalization, Kalmyk khannate, taisha, shert.

Вопросам подданства в конце XIX и начале XX вв. уделяли внимание такие российские правоведы, как Гессен В.М., Куплеваский Н.О., Кокошкин Ф.Ф., а на современном этапе – один из крупных правоведов страны Кутафин О.Е. Известно, что русское право XVI и XVII вв. не содержало норм, которые бы четко определяли, кто является русским подданным, кто – иностранцем. Таких норм и не могло быть, поскольку само понятие подданства в тот период имело бытовой, а не юридический характер. В представлении русских людей быть подданным значило быть православным, а стать подданным – означало креститься в православную веру. С постепенным ослаблением значения вероисповедания российскими подданными становятся путем ассимиляции в социальной и политической среде места проживания. Наряду с фактическим укоренением, уже с первой половины XVIII в. начинает применяться и юридический способ вступления в русское подданство, именуемый натурализацией и связанный с принесением присяги на подданство. Натурализация русскому праву той эпохи была известна. Как некогда в Византии, и в России тех времен принятие православия явля-

лось единственным средством вступления в русское подданство, принадлежность к русской церкви отождествлялись с принадлежностью к русскому государству. Таким образом, по своим юридическим последствиям крещение в XVI и XVII вв. ничем не отличалось от натурализации. На некрещеное население распространялся ряд ограничений в правах. Им запрещалось, например, приобретение поместий и вотчин, вступление в брак с православными. Приобретаемое крещением подданство прекращалось со смертью. В XVIII в. бытовое понятие подданства постепенно утрачивалось, однако правовое понятие подданства к этому времени еще не сложилось – имела место «правовая лакуна» в толковании подданства.

Существенным образом иначе ставятся и решаются эти вопросы в XVIII в. Так, указ Петра I 1721 г. предусматривал возможность приобретения поместий и вотчин не в результате крещения, а путем принесения присяги на «вечное подданство Российскому Государю» [4, с. 93]. Вступление в подданство должно было быть добровольным, причем вступающий должен был показать искреннее свое желание и готовность служить Российскому государству. Однако манифест 1721 г. не говорил о вечном характере подданства. В свою очередь, Сенатский указ от 27 августа 1747 г. конкретно говорил о вечном подданстве: «... Аз нижепоименованный, бывший поданный, обещаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что я Всепресветлейшей... Государыне... хочу верным, добрым и послушным рабом и вечно подданным с моею фамилией быть и никуда... за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать» [4, с. 94]. Как способ натурализации присяга на подданство меняет свое значение в XIX в. Указом от 26 августа 1833 г. были впервые признаны допустимыми смешанные браки также при условии вступления в вечное подданство России. С прекращением колонизаторской деятельности русского правительства, указывал В.М. Гессен, разрывается та связь, какая в предшествующую эпоху существует между присягой на подданство и водворе-

ние. С этого времени присяга на подданство становится средством освобождения от тех правоограничений, которые устанавливаются для них в интересах коренного населения [1, с. 223-224].

В силу политических, социальных, экономических, а также правовых проблем, возникающих на рубеже XVI-XVII вв. между калмыками и Россией, возникла необходимость принятия подданства путем добровольного вхождения. Россия, раздвигая свои границы, использовала гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство. Калмыки, учитывая эту важнейшую особенность национальной политики России, а также наличие в ней огромных свободных территорий, целенаправленно устанавливали контакты с городами-крепостями путем активной торговли и «взаимобещания». Практически с начала и до конца 60-х гг. XVII в., т. е. до образования Калмыцкого ханства в составе России, торгоутские и дербетские княжества самостоятельно ведут переговоры, снаряжают посольства к русским властям и властям других народов. Постоянно углубляя эти связи и встречая заинтересованное отношение даже со стороны центральной власти, калмыки все увереннее продвигались в глубь России, стремясь установить политические отношения на принципах вассалитета. При этом центральным вопросом опять же стоит вопрос о торге и месте кочевий. Но при таких политических отношениях калмыцкие тайши не отрицали установления по свободному соглашению иерархии, т. е. верховного права российского царя по отношению к ним.

С 1609 г. русское правительство и правители волжских калмыков стали вести отсчет годам вступления калмыков в подданство России (грамота от 20 августа 1609 г.). События 1607-1608 гг. и шерти 1608 г. положили начало русско-ойратским отношениям [3, с. 265]. Вот почему в последующих шертях одним из основных пунктов оставалось требование правительства соблюдать нерушимо российское подданство. Шерти 1655 и 1657 гг. завершили процесс добровольного

вхождения в состав Российского государства. Хотя шерть от 30 мая 1657 г. во многом повторяла прежние, но в ней были новые моменты, которые можно считать показателем решения тайшей принять окончательно подданство и признать отношения с правительством России [3, с. 310]. В исследованиях констатируется, что «решительным образом позиция русского правительства по вопросу о кочевьях была пересмотрена в 1655-1657 годах...» [5, с. 60]. Причиной тому являлась начавшаяся в 1654 г. война с Речью Посполитой. В ходе этого конфликта потребовалось привлечение дополнительных военных сил. В это же время активизировались калмыки с обращениями о разрешении территориального вопроса, заявляя о своем намерении служить Русскому государю «прямою правдою»: в присутствии астраханского воеводы К.О. Щербатова «на вечное и верное подданство» и обещался «быть под самодержавною государскою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступными... и его государское повеление исполнять» [3, с. 345]. Эта же формула звучала и в шерти от 24 января 1684 г.

Царское правительство старалось не допускать чрезмерной централизации власти в улусах в одних руках, особенно если они принадлежали личности решительной, склонной к самостоятельности. Для этого правительство стремилось сохранять равновесие сил между отдельными группировками калмыцкой знати, чтобы в нужный момент столкнуть их между собой. О такой направленности правительственной политики свидетельствуют высказывания первого астраханского губернатора А.П. Волынского (1719-1725), придерживавшегося мнения, что «для содержания калмыков ничто так потребно, чтоб между Аюкой-ханом и прочими владельцами баланс был. Буде же одним из них будет силен, тогда их трудно приводить в добрый порядок и прямое подданство»¹. Это не отвечало политическим интересам России на ее этапе государственного развития.

¹ Национальный архив Республики Калмыкии (далее – НА РК). Ф. И-36. Д. 18. Л. 1 об.

Такой же политики придерживался и Петр I. А.П. Волынский, добившись разделения улусов на две враждующие группировки в 1725 г., сообщал, что он достиг того, о чем мечтал и Петр I: «чтоб калмыцкий народ разделен был надвое, также и ханская власть, чтоб была в одних ханских руках»². Власти России, относясь настороженно к ойратам, как к значительной военной силе, решали дилемму: калмыков, находящихся уже на российской территории, оставить и попытаться мирным путем ввести в свое подданство или насильственно прогнать со своей, только что завоеванной территории, вступив в серьезный военный конфликт с огромной массой воинственных ойратских племен. С конца 40-х до начала 50-х гг. в отношениях между российским правительством и калмыцкой знатью наметились благоприятные тенденции.

Царская администрация, зная и понимая хорошее экономическое положение калмыков, природные качества их воинов, выдержанность проводимой ими политики на всем пути их продвижения, истинные миролюбивые стремления, проявила заинтересованность в принятии калмыков в свое подданство. Итак, шертями от 4 февраля 1655 г. и 30 марта 1657 г. было юридически оформлено завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства. В отличие от предыдущих шертей (устных и письменных), новая шерть (1657 г.) конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушанье», отразив формулу отношений, характерную для сути самодержавной монархии – беспрекословная покорность подданных и безграничная власть правителя. С появлением этой официальной формулы определился новый рубеж в отношениях России с калмыками – добровольное государственное подданство, но пока без приобретения населением российского гражданства. На том или ином временном периоде существования Российского государства его правители должны были решать вопросы установления границ страны, чему способствовали кочевые народности,

² НА РК. Ф. И-36. Д. 25. Л. 4.

в силу своих врожденных качеств воинов и политической выдержанности. Определяя территорию для калмыцкого ханства, русские цари преследовали одну из главных целей – охранять юго-западную часть страны от нашествий противников. Возникает необходимость юридического оформления подданства калмыков. Однако этот процесс осуществлялся не единовременно, а длился на протяжении нескольких лет, что в итоге приводит к образованию калмыцкого ханства на территории Российской империи.

Россия, признав с одобрением факт добровольного вхождения калмыков в ее состав, официально от имени великого государя законно закрепила Грамотой Посольского приказа от 6 июля 1657 г. за своими подданными территорию: летом – от Астрахани до верховья Волги и зимой – побережье Каспийского моря, поросшее камышом. Необходимо заметить, что ведущие калмыцкие тайши, как подданные, приобретали статус государственных чиновников с денежным содержанием. Объективные факторы общественно-политического, государственного, экономического, социального развития калмыков привели к завершению образования национальной государственности в форме ханства в составе Российского государства. Как считает К.Н. Максимов, с этого времени

в России появился новый субъект – Калмыкия: «Ее подданство носило политический характер: было основано на чувстве государственного, территориального единства, а также на сознании общих внешних опасностей, угрожавших и калмыцкому народу, и южным границам России. Поэтому обоюдно принятые и нормативно закрепленные условия нахождения Калмыкии в составе Российского государства носили федеративный характер» [2, с. 24]. Таким образом, принятие калмыками подданства Российской империи – это не только юридическое закрепление в статусе подданных России, но и политический акт – калмыков наделили подданством с целью охранять юго-западную часть страны от нашествий противника, устанавливая за ними территориальные границы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. – СПб.: Тип. «Правда», 1909. – 458 с.
2. Илюмжинов К.Н., Максимов К.Н. Калмыкия на рубеже веков. – М.: Изд-во «ЗелО», 1997. – 310 с.
3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. 1. – 848 с.
4. Кутафин О.Е. Российское гражданство. – М.: Изд-во Юристъ, 2004. – 589 с.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). – М.: Наука, 2002. – 524 с.